

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
РОССИЙСКОЕ ПАЛЕСТИНСКОЕ ОБЩЕСТВО

ПАЛЕСТИНСКИЙ СБОРНИК

ВЫПУСК
15 (78)

ИСТОРИЯ
И ФИЛОЛОГИЯ
СТРАН
БЛИЖНЕГО
ВОСТОКА

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
МОСКВА · ЛЕНИНГРАД
1 9 6 6

СИРИЙСКАЯ СРЕДНЕВЕКОВАЯ ШКОЛА

Сирийская культура и ее расцвет в средневековье связаны с интенсивной жизнью городов Ближнего Востока. Одной из особенностей восточного феодализма было именно то, что города сохраняли свою жизнь, не глохли, что хозяйство не повсеместно приобрело натуральный характер, что на Востоке могут быть отмечены товарно-денежные отношения, городское ремесло, торговля и рынки продолжали существовать, а в ряде случаев создались новые центры или были обновлены старые, которые были пунктами обмена. Этому способствовала не только местная торговля, но широкие торговые связи. На тысячелетних караванных дорогах, в гаванях Красного и Средиземного морей, Индийского океана, на путях ароматов, на шелковой дороге сирийцы занимали одно из первых и чрезвычайно прочных мест. Торговля была в их руках, они соперничали в ней и с персами, и позднее с арабами, сохраняя свои позиции.

Положение сирийского языка как международного было завоевано сирийцами, по самому своему положению занимавшими среднее место между великими державами Византией и Ираном; этот язык оказался совершенно необходимым в их сношениях с арабами на всем протяжении Аравийского полуострова, их письменность и язык проникли в области Средней и Центральной Азии. Переводчики, толмачи, посланцы, миссионеры, они исколесили значительную часть Азии, бассейны Средиземного и Красного морей. Не только язык сирийцев, но и их письменность, литература сыграли выдающуюся роль в культуре Востока; с манихейцами их алфавит проник к согдам, а затем к уйгурам. Сирийские миссионеры несториан и монофизитов устраивали диспуты при дворе шаханшахов, соперничали в ставке царей Хирты, спорили в Химьере, добивались положения в Константинополе, в далекой Нубии и Эфиопии.

Язык, письменность, литература не могут получить длительного и широкого распространения, если нет традиции, передачи, и притом систематической. Сирийцы были сильны своей школой, в которой усваивались грамота, чтение, письмо, знание энциклопедии того времени — Библии и крохи эллинской образованности. Выдающееся значение высшей сирийской школы, ее древнейшего университета, академии в Эдессе,

затем Нисибии, были предметом нашего специального исследования.¹ В настоящей статье нам хотелось бы дать представление о том, чем была начальная и общеобразовательная сирийская школа.

Школы, насколько источники позволяют нам создать представление об этом, более всего походили на церковно-приходские и монастырские школы, известные латинскому Западу, греческому Востоку, всему славянскому миру. Это тип школы, хорошо известный мусульманству, буддизму и брахманизму. Такая школа давала в первую очередь знания, которые соответствовали примерно представлениям латинского *trivium*'а, того, что составляло начальное знание, первую его ступень.

Для сирийцев, для исторических условий, в которых они жили, их грамотность была явлением большой значимости. Если клерикальная школа во многих случаях являлась лишь ступенью для дальнейшего высшего специального клерикального образования и соответственно получения сана, то сирийцы имели много оснований тяготеть и к светским наукам. Этого требовали их торговые связи, которые были настолько широки и разнообразны, что и им были необходимы знания, грамотность, традиции. Преемники должны были располагать какими-то сведениями, впрочем, обычно получаемыми в ходе практической работы, усваивая их „под рукой“ старшего. Сирийцы славились как врачи, этому немало способствовало систематическое, школьное приобретение знаний, которое затем уже пополнялось специально медицинскими сведениями, знакомством с трудами греческих врачей (Гиппократ, Гален) и практическим изучением врачебного искусства под руководством опытного медика. Таким образом, начальная школа приходского типа была ступенью для специального образования, как светского, так и духовного. Даже в Нисибийской академии не были изжиты возможности в ее стенах продолжать занятия светскими науками, философией и особенно медициной. Специальный канон запрещал одновременно с церковными книгами заниматься и по книгам о врачебном искусстве.

Источники сохранили некоторые далеко не полные, но интересные сведения о том, как происходило обучение, в чем оно состояло и как долго оно длилось. Замечательно, что сведения эти черпаются преимущественно из несторианских по своему происхождению источников, именно несториане развили максимальную деятельность в области образования. До нашего времени дошли оброненные монофизитами язвительные слова неудовольствия относительно широкой сети школ несториан.

Первый яковитский иерарх, получивший звание мафрияна (= католикоса), был Марута из Тагрита, умерший в 649 г. Его житие было составлено младшим современником мар Денхой, скончавшимся в 660 г. Известно, что монофизиты и несториане соперничали на всем Ближнем Востоке за влияние, за господство в городах и селениях сирийцев у арабских племен, в сношениях с Византией. Денха правильно усмот-

¹ Н. Пигулевская. Города Ирана в раннем средневековье. Изд. АН СССР, М.—Л., 1956, стр. 338—349.

рел в школах мощную возможность влияния. Монофизиты стремились сами ввести у себя эту важную струю воздействия на умы. „Несториане Востока, желая захватить простецов в свои заблуждения и околдовать уши мирских, что весьма легко, песнями и приятными напевами, также ради лести миру и главенства над ним, чтобы поедать дома вдов и замужних, по слову Евангелия, под предлогом, что они продлевают свои молитвы, в каждом селении своем, так сказать, позаботились устроить школу“.² Они привлекают в свои школы тем, что там псалмы и песнопения, „одинаково исполняемые во всех местах“. Очевидно, были приняты напевы, которым выучивались и которые исполнялись повсюду одинаково; Денха так и перечисляет различные виды этих гимнов, называя их гласами, песнопениями, антифонами. Далее автор жития Маруты сообщает, что и монофизиты стали проявлять усердие к устройству школ. В области Бет Нухадра были устроены школы в селениях Бет-Коке, Бет Тарли, Тель Зальма, Бет Бани, Шурзак. Область Бет Нухадра находится между Тигром и Большим Забом, севернее Маргской области, лежащей между теми же реками. Школы несториан, по словам того же Денхи, пользовались доброй славой, „о них хорошо говорили“, они были популярны. Это особенно справедливо для VIII в. и связано с деятельностью мар Бабая из Гебилты (Тирхан).³

Сведения о сирийских школах IV, V вв. несколько отрывочны, но для VI, VII вв. они приобретают все более определенный характер. Интересно отметить, что программа начального обучения, как и его методы, носит не только многовековой, но и международный характер, и, как во всем христианском мире, обучение у сирийцев начинали с псалтири.

Об основателе Нисибийской академии мар Нарсае (ум. 503/4 г.)⁴ сообщается, что, „когда ему было семь лет, он ходил в школу для мальчиков“ в селении Аин Дулба области Маалта, откуда он был родом (Маалта, область соседняя с Маргской, от которой она отделена Хазиром, притоком Большого Заба по левому берегу Тибра). „За срок в девять месяцев“ благодаря своим способностям и горячей любви к знаниям он „отвечал всего Давида“, т. е. выучил псалтирь.

Мар Гиваргис (Георгий), перс и зороастриец, перешел в христианство и умер мучеником в 615 г. (926 г. Селевкидов). В селении Бет Растак области Адиабены он стал учиться в школе, выучил псалмы, так что мог „отвечать Давида“ (ܩܘܪܝܢܐ ܕܕܘܘܕ).⁵ С псалтири начинали, в дальнейшем занятия заключались в усвоении всего писания, особенно Нового Завета, его толкования. В экзегезе несториане следовали Феодору Мопсуетскому, классическому образцу несторианской школы.

Мар Киприан, основатель монастыря в Бирте, был уроженцем селе-

² Vie de Maruta, ed. F. Nau. Patrologia Orientalis, t. III, pp. 65—66.

³ A. Braumstark. Geschichte der syrischen Literatur. Bonn, 1922, p. 212.

⁴ Patrologia Orientalis, t. IX, p. 615.

⁵ Vita st. Giwargis ed. Bedjan, p. 416.

ния Бет-Магуше. Родители его были христиане, а он учился в „церкви своего селения“, в короткое время прочел псалмы и освоил „учение“, которое преподавалось „мальчикам“ (ܟܠܗܝܬܝܢ ܡܠܝܚܝܢ). После этого он отправился в селение Макабта, которое „процветало в его дни“, он освоил там „писания“ и их экзегезу.⁶

Начальное обучение происходило при церквях, где были грамотные клирики. Очевидно, был некий цикл первоначального обучения, который надо было пройти. Относительно Иоанна Дайломского, скончавшегося в старческом возрасте в 737/8 г., следовательно, учившегося в середине VII в., известно, что родители отдали его в школу, где он „в короткое время выучил псалмы и прочую науку, необходимую мальчикам“,⁷ т. е. повторены те же выражения об учении, которое имело определенную программу.

О численности учащихся в школах имеются некоторые сведения. Так, митрополит Адиабены Маранаммех, поставленный мар Иаковым патриархом (753—772 гг.), объезжал свою епархию и побывал в селении Бет-Едре: „В нем была малая школа, двенадцать учеников и их учитель; и он вошел в нее, когда учитель приготовился читать зачало, которое было из Исаии. Спросил его блаженный (митрополит): «Что за отрывок ты читаешь?». Приказал ему: «Оставь это зачало сегодня и начни откуда я тебе покажу»“.⁸

Из этого рассказа видно, что в школах и на низших ступенях образования имело место чтение и истолкование писания. Школа носила, следовательно, клерикальный, конфессиональный характер и на своих начальных ступенях. Но грамота сама по себе открывала путь к знаниям и к светским наукам.

В житии Бар Идты (род. 509, † 612 г.) сообщается, что он родился в Русафе, рано потерял родителей, его воспитывала его старшая сестра Хананишо, которая отправилась в Нисибин, где и поселилась. Там она отдала брата в школу, чтобы он учился.⁹ „Она взяла за руки святого раббан Бар Идту, своего брата, и отправилась в Нисибин город, Антиохию Мигдонийскую, в один из монастырей женских, что вокруг Соба (Субха). Она приняла обет (монашеский образ) со Христом женихом вышним. Эта чистая Хананишо брата своего раббан Бар Идту поселила вблизи себя, т. е. отдала его в дом обучения, чтобы он читал псалмы Давида, приобрел умение огласовки, писал буквы и черты, когда был еще мал годами. С вечера до утра жил он со своей сестрой, а днями она приводила его, лаская, в школу; каждый вечер она заботливо брала его к себе, а каждое утро водила его

⁶ Thomas [Margensis.] Historia monastica. Ed. W. Budge. London, 1893, t. I, p. 332; t. II, p. 581.

⁷ Там же, т. I, стр. 97 (кн. 2, гл. 23).

⁸ Там же, т. I, стр. 169 (кн. 3, гл. VIII).

⁹ W. Budge. The Histories of Rabban Hormizd the Persian and Rabban Bardta, v. I. London, 1902. Syriac texts, p. 117 (f. 4-a).

бдительно в дом обучения".¹⁰ Она заботилась о том, чтобы он не приобрел привычек дурных, злых детей, и достигала этого, „то пугая, то одобряя и поддерживая его“. Между тем курс начального обучения был закончен. „Когда он выучил псалмы и все гласы и вступления их (ܦܨܠܡܝܢ) и был просвещен в возможности чтения и письма, вновь ввела она его в великую школу, мать ученых, которые все находятся на востоке и орошают вселенную своими учениями“. Таким образом, окончив курс начальной школы, которая дала ему грамотность — умение читать, писать, знание псалтири (которую частью выучивали наизусть), знание важнейших богослужебных песнопений, Бар Идта мог поступить в высшую школу сирийцев. Не только данное житие, но и другие сирийские памятники самыми высокими словами прославляют свою древнюю академию в Нисибине, называя ее „матерью ученых“ (вспомнить латинское *alma mater*), центром всяческих знаний и другими именами. Здесь он обучался „писаниям и толкованиям“, т. е. специальной экзегезе и гомилетике, главным образом по трудам Феодора Мопсуестского, „вселенского толкователя“.

К первой половине VII в. относятся сведения о жизни Хормизда, который родился в области Хузайе в Бет Лапате, называвшемся также Шираз (ܫܝܪܐܝܝܡ ܒܝܬ ܠܦܬܐ). Его родители были христиане, и „когда он был отроком (ܘܬܪܘܢܐ) и достиг возраста двенадцати лет, его свели в школу, чтобы он выучил псалмы и был обучен духовному учению, и так он оставался там в учении шесть лет. Он знал наизусть псалмы и Новый (Завет), трудился над ними отрок ночью и днем“.¹¹ „Когда завершились годы его пребывания там, он был лет двадцати“. Ему должно было быть лет восемнадцать-двадцать, когда он окончил школу и пожелал сделаться монахом.

В житии Сабришо, патриарха несториан (604 г.), составленном его младшим современником монахом Петром, говорится, что он происходил из селения Фирузабад, что у границы Сиарзура в области Бет Гармай. „В этом селении, упомянутом нами выше, — сообщает биограф, — был один благочестивый священник по имени Иоанн. Он (Сабришо) пошел к нему, и тот обучил его псалмам“. Его одолевала жажда знаний, „чтобы толковать и читать божественные писания, он отправился в Нисибин, город образованности“, когда там был Авраам экзегетом.¹² Таких кратких сообщений много, их можно найти в биографической литературе сирийцев. Очень интересна механика усвоения знаний, в первую очередь требовалась память — часть прочитанных книг выучивалась. Псалмы, например, должны были „исходить из уст“.

В 620 г. при последнем сасаниде окончил свою жизнь по происхождению перс, перешедший в христианство и принявший имя Ишо-

¹⁰ Там же, т. I, стр. 117; т. II, стр. 170.

¹¹ Там же, т. I, стр. 9.

¹² *Histoire de mar Jabalaha de trois autres patriarches*. Ed. Paul Bedjan, Paris, 1895, p. 291.

сабран. Его житие было написано патриархом несториан Ишоюбом III (ум. 657/8 г.). Став христианином, Ишосабран пожелал научиться читать писание, поэтому в своем родном „селении Кур на горе Хедайаб“, т. е. в области Адиабены, он обратился к крестившему его священнику Ишорахмеху со своей просьбой. У священника был один юный сын по имени Ишозеха, о котором Ишосабран стал его просить: „Если тебе угодно, о господин, дай мне этого юношу, чтобы он был мне по любви брат и сын, а по чину (ܟܘܢܘܢܐ) — учитель и наставник божественных писаний“. На это он получил согласие в такой форме: „Ты знаешь, о брат мой, что я не имею другого сына, кроме этого, он отрада моей старости и свет очей моих, но так как ты достоин уважения в моих глазах, как слуга (ܫܠܘܫܐ) Христов, я не откажу тебе в нем, да будет так, как ты просил ... Итак, получи себе моего Ишозеха, так как он нужен тебе“.¹³ Ишосабран обрадовался и соответственно порядку посадил юношу как учителя. Когда они так расположились, он спросил его, с чего следует начинать учебу: „Что именно положено правильно человеку учить прежде всего?“. И юноша сказал ему: „Буквы, конечно, учит человек прежде, затем слоги (ܡܘܬܘܩܐ) и после того читает псалмы и постепенно читает все писание (ܚܘܬܡܐ). И когда выучится чтению писания, после этого он приступает к толкованию“. На это Ишосабран сказал юноше: „Бесполезно мне учить буквы, прочти мне десять псалмов“. Юноша стал объяснять ему, что напрасно он путем „бормотания“, „подобно магам“, стремится запомнить все писание, что необходимо выучить буквы. Но Ишосабран упросил своего молодого учителя учить его со слов, т. е. дать ему возможность заучить все на память, причем он каждое слово произносил „с силой“ и повторял их, „качая шейю наподобие магов“ (ܩܘܒܘܬܐ ܕܩܘܒܘܬܐ ܕܩܘܒܘܬܐ). Но юноша запретил ему это и сказал: „Не делай, как поступают маги, но спокойно говори, только своими устами, и так в короткое время запомнишь много слов“. Хотя память играла значительную роль, но только одной памяти было недостаточно — было необходимо уметь читать, и читать правильно. Ишосабран и его учитель сообщили священнику, как происходит обучение, что все усваивается им с голоса. И если юноша просил не уподобляться магам в манере покачиваться и так стараться затвердить текст, то священник стал настойчиво просить Ишосабрана выучить сначала буквы, после чего для него будет возможно чтение всего писания. Ишосабран „послушался“, не стал больше так делать, „выучил буквы“, усвоил псалмы и стал читать книги.¹⁴

Система обучения сирийцев требовала знания грамоты, надо было читать, хотя, конечно, частое повторение приводило к тому, что многое

¹³ Histoire de Jesus Sabran par J. B. Chabot. Nouv. archives des missions scientifiques, t. VII, 1897, pp. 524—525.

¹⁴ Там же, стр. 525.

запоминалось наизусть. Алфавит сирийский, огласовка, которую постепенно вводили и западные, и восточные сирийцы, создавали возможность правильного чтения и освоения нового текста. В противоположность этому сложность пехлевийского письма, идеограммы, гетерограммы, отсутствие гласных, огласовки — все это приводило к тому, что „магуше“, маги, т. е. зороастрийское жречество стремилось освоить и заучить свои книги наизусть, мало пользуясь грамотой, уча со слов, причем „бормоча“ и „качая шей“, они стремились облегчить процесс запоминания.

Сирийцы стремились к тому, чтобы человек научился читать, разбирать то, чего он не знал наизусть, тогда как персидская система базировалась исключительно на памяти, причем употреблялись мнемонические приемы для ее обострения, укрепления заучиваемого. Но при постоянном повторении наиболее употребительных текстов писания, например псалмов, конечно, часть из них запоминалась и выучивалась наизусть.

Знание букв, чтения и письма у сирийцев было обусловлено всем комплексом нужных им для практической жизни сведений, надо было уметь не только читать, но и писать, и это написанное читать.

В связи со сказанным значение приобретают данные о школах, которые имели свое пребывание в разных селениях, об этих школах имеются достаточно подробные указания в сохранившихся сирийских источниках.

В этом отношении поучительны два этапа в жизни сирийской несторианской школы — время Ишояба III, католикоса, и мар Бабая учителя, современника католикоса Селибазеха († 728 г.). К первой половине VII в. относится деятельность Ишояба III, католикоса несториан в 651—658 гг., родившегося в Куфлане, в области Адиабены, бывшего учеником мар Иакова из Бет-Абе и закончившего свое образование в Нисибине. Ишояб, после того как он построил новую церковь у монастыря Бет-Абе, расположенного в Маргской области, недалеко от слияния рек Большого Зеба и Хазира, „пожелал построить школу близ своей келии“. Он хотел снабдить школу „всем необходимым, привести учителей, философов, экзегетов, собрать много учеников и заботиться о них всячески“.¹⁵ Однако пожеланию католикоса не было суждено исполниться, так как настоятель монастыря Камишо с группой братьев этому воспротивились. Они не захотели расстаться с „радостью тишины“, сослались на то, что не было на это указания от основателя монастыря мар Иакова, что им будет „доучать“ присутствие юношей. Когда католикос не сдался на их возражения, то Камишо и 70 монахов-отшельников покинули монастырь и ушли в Харту. Это сломило решение католикоса, и он перенес постройку школы в селение Куфлану, свою родину, куда должны были последовать „работники и строители“, вызванные им в Бет-Абе на постройку.

¹⁵ Thomas Margensis. *Historia monastica*, t. I, pp. 74—75.

Хотя настоятель Камишо и утверждал, что ему будто бы неизвестно, чтобы школа была при монастыре, но это имело место в ряде сирийских монастырей и на это указывало свидетельство Ишозеха, относящееся к рубежу VI и VII вв. Ишозеха был современником католикаса Сабришо I, на посвящение которого в этот сан дал разрешение шахиншах Хосров II Парвиз в 596 г. Ишозеха построил три монастыря и при них школы. Он построил „большой монастырь в области Бет Арабайе и поставил в нем учителей и учеников. Затем отправился на гору Хефтуна и Бет Багаша. Ко времени своей старости он отправился в области Адиабенны, а оставил тот монастырь в руках учителей, как и школу, которую устроил в нем“. Монастырь был поставлен каменный, потому что в этой области особенно много хозяйничали разбойники и грабители. И в этом монастыре он „поставил учителей и школу“. ¹⁶ Таким образом, школа и монастырь были связаны, и в предложении Ишоюба III ничего неожиданного в сущности и не было. Но особое внимание привлекает то, что в ряде случаев школа была независима от монастыря, школа устраивалась просто в селении, а персонал, учителя не принадлежали к клиру, хотя и пользовались особым положением и уважением.

К первой половине VIII в. относится деятельность Бабая из Гебилты, расположенной близ Тирхана. Его биограф Фома Маргский в середине IX в. посвятил ему немало страниц своей „Книги начальников“. Впечатление от всей деятельности, от личности Бабая было настолько сильным, что сохранилось даже описание его внешности. „Это был муж ученый и весьма просвещенный, мощный, здоровый телом и сложением членов, был же у него, как сказано, голос сладкий и высокий подобно трубе“. ¹⁷

Свою педагогическую деятельность Бабай начал в Гебилте, своем родном городе, куда к нему собрались ученики, в том числе Маранамех, ставший затем его верным спутником. Бабай дал им „полное наставление в учении церкви“ в духе последователя Феодора Мопсуестского, как это требовалось несторианину. Школы он нашел в большом упадке, ведавших ими — „нерачительными“, а „каноны и правила школ“ — в небрежении. Деятельность Бабая была направлена на восстановление школ, порядка, дисциплины, усвоения знаний. Но предметом особенного внимания Бабая была музыка, гимнология. Известно, что еще сирийский гностик III в. Бардесан придавал особое значение пению как способу пропаганды и усвоения его учения. У несториан, по свидетельству биографа Бабая, к этому времени не стало единообразия в пении. „Всякая страна, город, монастырь, школа имели свои собственные песнопения и напевы, и когда случалось учителю или ученику находиться вне своей школы, то он стоял, как невежда“, ¹⁸ т. е.

¹⁶ Isodenah. Livre de chastete, § 47.

¹⁷ Thomas Margensis. Historia monastica, t. I, p. 141; t. II, p. 282.

¹⁸ Там же, т. I, стр. 142.

не мог принять участия в пении. Этот беспорядок необходимо было устранить, что было осуществлено внедрением общих правил по определенной музыкальной системе, которая была введена мар Бабаем и распространилась на все школы.

Покинув школу в Гебилте, мар Бабай с Маронаммехом направился в области Адиабены и Марги. Первая школа, которой занялся после переселения мар Бабай и его спутники, находилась в селении Кефар-Уззел, недалеко от Арбелы. Школа была большой (ܟܝ ܕܠܘܟ), в ней достигали не только грамотности, но и больших знаний, это были не только ܟܠܠܐܟ (ученики), но и ܟܘܝܬܐ (ученые). Эта „большая школа“ могла благоприятно развиваться благодаря состоятельности жителей Кефар-Уззела, названных „людьми благоустроенными и благородными“. Только дождавшись ощутительных результатов, мар Бабай решил перенести свою деятельность дальше. „И когда процвела школа в Кефар-Уззеле учениками и учеными, он передал ее в руки Маран-аммеха и оставил ее“. В Маргской области им были основаны и обновлены двадцать четыре школы. Здесь на его долю выпало не только „собирать“ учеников и „строить“ школы, он натолкнулся на крайнюю неисправность рукописных списков и книг, которые он стал „исправлять“. Таким образом, в перечисленных Фомой Маргским селениях мар Бабай производил одну и ту же работу: он собирал разбежавшихся или совсем не имевшихся учеников, проверял и приводил в порядок книги, в которые от переписки могли вкрасться ошибки, был нарушен принятый порядок, в них отсутствовало единообразие.

Поименованные школы, которые ревизовал мар Бабай, делятся на две группы — школы при монастырях, как школа при монастыре Шамира или при монастыре Кори, и школы в селениях, как школа в Хардесе, в Хетаре, в Маккабте, Кофе и в других селениях. Это были не монастырские школы, а приходские, по общей средневековой традиции, о которой речь была выше, и на Западе, и на Востоке.

Неутомимый учитель устроил и укрепил несколько десятков школ, к тому же он подготовил кадры учителей. „Ибо говорят, что у него было шестьдесят мужей учеников, которые стали учителями“ в шестидесяти школах, им устроенных. Таким образом, Бабай заботился не только об усвоении грамоты, т. е. начального обучения, но осуществлял подготовку лиц и более высокой квалификации — учителей.¹⁹

Со времени реформаторской деятельности мар Бабая прошло столетие, и к первой половине IX в. относится горестное повествование несторианского иерарха. Опять все пришло в упадок, тяжелы условия общеполитические, изменения в характере власти арабов и отношений с мусульманами привели к новым затруднениям, школы оказались заброшенными. К 834 г. н. э. (220 г. хиджры) относится свидетельство Сабришо Дамаского, патриарха несториан, который объезжал Арамейские земли,

¹⁹ Там же, т. I, стр. 144; т. II, стр. 237.

т. е. Междуречье, и прилегающие области. В школах он нашел только старых учителей, а молодые не знали даже псалмов, которые полагались на каждый день. Эти старые учителя должны принуждать своих учеников учиться, касается ли это чтения или усвоения урока, „как врач принуждает больного пить полынь, смиру или сокаторовое алоэ. А ученики так отворачиваются от учения, как больной отворачивается от питья сокаторового алоэ“.²⁰ Школа снабжалась всем необходимым, в первую очередь пищей, ее содержала христианская община, данное селение или монастырь. Поэтому понятно и объяснение, которое дано католикосом отсутствию интереса к занятиям: „Ибо ради хлеба только они собрались сюда, а не из любви к учению“. Это были другие сведения о школах и занятиях.

Области и школы, о которых идет речь, — это Ктесифон (Махозе), школы мар Теодороса и мар Мари, т. е. школы, называвшиеся именем Феодора Мопсуестского и святого мар Мари. В заключение своего послания Сабришо пишет: „Подобное я слышал“ (следовательно, он там лично не бывал, не посетил этих мест) и „относительно Элама, Месены, Персии и Хорасана“. Иначе говоря, речь идет о южных областях Междуречья и восточных провинциях Ирана, сохранивших свои наименования и после завоевания их арабами.

Уделив внимание школе, методам обучения, царившим в ней, широкому распространению этим путем языка, грамотности, а следовательно, и литературы, необходимо отметить сравнительную легкость освоения сирийской письменности благодаря буквенному алфавиту и системе огласовки текста. Особенности сирийского синтаксиса также представляют интерес как получившие более распространенный, литературный характер (как, например, введение придаточных предложений с „далетом“). Все это способствовало распространению сирийского языка, как разговорного, так и письменного, на больших пространствах Азии. Школа, в которой усваивалась сирийская грамота, сыграла выдающуюся роль, так как здесь складывалась традиция освоения первоначальных знаний и решалась судьба языка и литературы.

Сирийский язык и грамота несли новые идеологические представления, философские знания, космологические и географические идеи, опытные научные знания в области алхимии (т. е. средневековой химии) и медицины. Эти знания базировались на греко-византийской учености, развитой и освещенной новыми данными, которые были добыты сирийцами, а позднее и арабами.

Распространение сирийского языка и с ним идеологических, философских и позитивных знаний было явлением прогрессивным, просвещением для многих народов Азии.

²⁰ Ebedjesu. Collectio canonum synodicorum. Majus. Scriptorum veterum nova collectia, t. X. Romae, 1838, textus syr., p. 274; transl. lat., p. 110.

L'ÉCOLE SYRIAQUE DU MOYEN ÂGE

L'école était indispensable pour le clergé ainsi que pour le commerce des syriens. On enviait surtout les nombreuses écoles des nestoriens en Mesopotamie. La facilité d'apprendre lire et écrire en syriac (en comparaison avec le système d'écrire des Perses) favorisait son extension. Les écoles primaires syriaques au moyen âge sont des écoles paroissiales où monastiques, on y enseignait à lire, à écrire, à chanter. On avait exigé d'apprendre l'alphabet et d'épeler, ce qui était difficile, parce que „on ne prononce pas, comme c'est écrit“. Comme dans toutes les écoles chrétiennes de l'Orient et de l'Occident les psaumes étaient le premier livre. Une quantité de textes été appris par coeur. L'enseignement durait cinq où six ans. L'école était entretenue par les moyens de la paroisse ou de l'église.
